

с коммент. К. Г. Юнга и К. К. Кереньи. СПб. : Евразия, 1999. С. 265–286.

3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. М. : Рус. словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 7–300.

4. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб. : Наука, 2007. 677 с.

5. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М. : Худож. лит., 1990. 543 с.

6. Флакер А. Эстетический вызов и эстетическая провокация // Живописная литература и литературная живопись. М., 2008. С. 88–99.

7. Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Общественные науки за рубежом. Сер. 3. 1992. № 5–6. С. 102–114.

8. Терещенко Н. А., Шатунова Т. М. Постмодерн как ситуация философствования. СПб. : Алетейя, 2003. 198 с.

9. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб. : Алетейя, 1998. 160 с.

10. Савчук В. С. Топологическая рефлексия. М. : Канон+: Реабилитация, 2012. 421 с.

11. Хайдеггер М. Наука и осмысление // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 238–253.

12. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. СПб. : Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.

13. Бибихин В. В. Лес. СПб. : Наука, 2011. 425 с.

14. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 361–373.

© Зенец Н. Г., Чалдышкина М. В., Кордас О. М., 2020

УДК 130.2+569.96

Науч. спец.: 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2020-26-14-18

Б. Ю. Кассал

B. Yu. Kassal

ОХОТА НА МАМОНТА КАК ЛЕГЕНДА КУЛЬТУРЫ

Автор статьи отмечает, что в истории культуры охота на мамонтов существует как одна из разновидностей легенд о золотом веке. Романтизация охотничьего промысла, первобытного образа жизни мало связана с реальными условиями существования первобытного человека. Однако в культуре и искусстве устойчиво закрепились именно эта идеализированная версия.

Ключевые слова: охота на мамонтов, плейстоцен, способы охоты, золотой век.

MAMMOTH HUNT AS A LEGEND OF CULTURE

The author of the article notes that in the history of culture, hunting for mammoths exists as one of the varieties of legends about the Golden Age. The romanticization of hunting, of a primitive way of life has little to do with the real conditions of existence of a primitive man. However, this idealized version has steadily entrenched in culture and art.

Keywords: mammoth hunt, Pleistocene, hunting methods, the Golden Age.

У всех народов существует легенда о золотом веке как о безмятежном и счастливом существовании первобытных народов, живущих в гармонии с природой и социумом. Знание о тяготах первобытной жизни, безусловно, также существовало, но в этих двойственных представлениях о прошлом в культуре всегда побеждала легенда. Идеализация «естественного состояния» первобытного человека привела к появлению в европейской науке и философии представлений о «благородном дикаре», чья жизнь непротиворечиво следует законам природы. Эти представления есть у М. Монтеня, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро и ряда других философов-просветителей. Сложности цивилизации порождают тоску по кажущейся простоте и понятности существования, романтизируют повседневность первобытных охотников. Тяготы, лишения, голод, жестокость и грязь, связанные с охотой, забылись, а воспоминания об изобилии пищи в случае удачной охоты сохранились.

Почему романтизируется только охота, а не собирательство (и сложившийся на его основе земледельческий труд)? Это объясняется достаточно просто. Во времена

охотничьей культуры труд не обособляется от других сторон жизни человека и общества. Добыча сразу же употребляется в пищу. Вознаграждение не отложено во времени. В земледелии потреблению пищи предшествует долгий период изнурительной работы, плоды труда отделяются от действий большим промежутком времени, никакого охотничьего азарта в этих действиях нет. Обеспечение пищей более вероятно при земледелии, чем в случае охотничьей добычи, но изобильных пиров не предвидится. Не случайно именно земледелие ввело в общественное сознание само понятие «труд», условие его реализации — библейское добывание хлеба в поте лица своего [1, с. 61].

Безусловно, охотничья легенда базируется на вполне определенных материальных и природных условиях человеческого существования. В данном случае это период в развитии человека, когда он начал отличать себя от животных, производя необходимые средства к жизни, используя орудия производства, определенный способ деятельности [2, с. 19]. Именно на этом фундаменте возникла одна из самых ярких легенд культуры.

Волосатые слоны — мамонты *Mammuthus* обитали на территории Западной Сибири в период 100–10(6) тыс. лет назад. Они населяли тундростепи, лесостепи и холодные степи. Одно из самых массовых поздних захоронений волосатых мамонтов находится на территории Новосибирской области, в верховьях р. Баган, в урочище «Волчья Грива», где обнаружено не менее 1500 скелетов мамонтов [3]. Часть костей носит следы обработки человеком, что подтверждает совместное проживание волосатых мамонтов и людей во времена позднего верхнего плейстоцена на территории Западной Сибири. Наиболее часто в экспозициях краеведческих музеев Западной Сибири встречаются зубы и кости конечностей мамонта волосатого, тогда как черепа и другие кости осевого скелета единичны [4].

Жизнь человека в позднем верхнем плейстоцене в отдельных регионах была тесно связана с волосатым мамонтом — источником мяса, шерсти, шкуры, материала для жилищ. В серии работ доказывается, что палеолитический человек охотился на мамонта [5; 6]. Будучи видом-эпификатором [7], волосатый мамонт нашел отражение не только в арт-объектах позднего верхнего плейстоцена, но и в современности.

Однако подавляющее большинство воспроизводимых современными авторами сцен с участием мамонта содержат многочисленные погрешности и несообразности биологического и утилитарно-бытового, этологического и социального характера. Почти все художники, иллюстрирующие учебники по древней истории и книги о жизни первобытных людей, включая монографии, а также авторы анимационных фильмов изображают охоту на мамонта неправильно: их иллюстрации не соответствуют действиям современных охотников традиционных культур и практике охотников позднего верхнего плейстоцена. Все современные арт-объекты этих авторов можно объединить в две группы: изображение охоты при помощи ловчей ямы и охоты со случайным образом брошенными в зверя одиночными копьями.

Одним из пионеров и наиболее известным представителем иллюстраторов первой группы является З. Буриан, по рекомендациям Й. Аугусты выполнивший рисунки для альбома «Жизнь древнего человека» [8]. Он изобразил волосатого мамонта, оказавшегося в яме, края которой находятся на уровне плечевого сустава могучего зверя, в окружении обернутых в куски шкур людей, восемь из которых бросают в него большие камни. Один из охотников вооружен громадным каменным молотом на длинной рукояти, явно ни на что не годным, еще один — луком и двумя стрелами; на заднем плане в возбуждении подпрыгивает безбородый юноша с коротким копьём (дротиком) в руке (рис. 1).

По мнению этих авторов, люди поймали мамонта в яму глубиной ~2,5 м, прикрытую небольшой кучей сухих ветвей, которую он продавил при падении, а затем начали бросать в зверя камни массой 5–10 кг. Попутно можно предположить, что при 11 мужчинах в группе (или, вероятнее, в объединении 2–3 семейных групп) где-то еще должно быть примерно столько же или более женщин, а также стариков и детей допубертатного возраста, что определяет общую численность группы в 35–40 человек и не соответствует современным данным о численности групп охотников-собираателей традиционных культур [9].

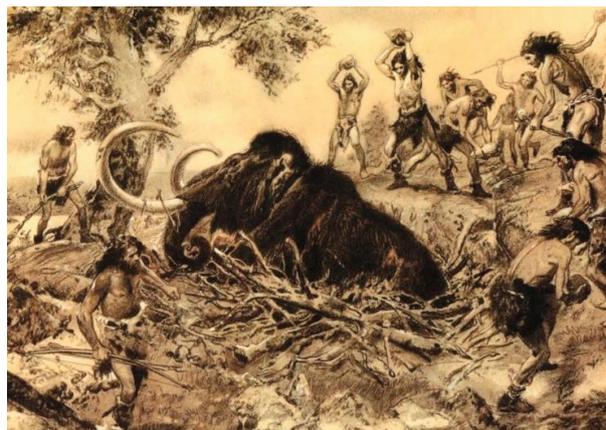

Рис. 1. Изображение охоты на волосатого мамонта *Mammuthus primigenius*. Рисунок З. Буриана под научным руководством Й. Аугусты [8, картина 26], ставший основой для многочисленных подражаний в изображениях и описаниях

Изображаемая З. Бурианом сцена охоты на мамонта лишена какой-либо логики, а потому — и смысла. Чтобы выкопать яму, способную вместить 5–7-тонного волосатого мамонта хотя бы до плеч (см. рис. 1), надо потратить определенное время и силы. При этом для разрыхления и удаления грунта из ямы у человека позднего верхнего плейстоцена были только заостренные колья (изготовление которых тоже требует затрат труда и времени) и заступы в виде бизоньих и оленьих лопаток. Даже если все взрослые мужчины рода (3–5 человек) будут заниматься только этой работой, а женщины и дети (8–12 человек) будут помогать им, унося вынутый грунт (общей массой от 10 тонн) подальше, чтобы не демаскировать ловушку, на ее изготовление уйдет много времени. И если мамонты заметят подозрительную возню на используемой ими тропе, они перестанут ею пользоваться, как это делают современные слоны, обладающие развитым умом и хорошим обонянием и осознанием; усилия будут потрачены напрасно.

После изготовленную яму надо будет замаскировать так, чтобы объект охоты — мамонт — ничего не заподозрил, ступая на зыбкую поверхность, под которой таится опасная пустота. Между тем волосатые мамонты, как и современные слоны, обладая очень хорошей памятью, в незнакомой местности весьма подозрительны и при изменениях на знакомых тропах или на незнакомых внимательно не только все осматривают и обнюхивают, но и при каждом шаге пробуют ногой прочность грунта и ощупывают подозрительные предметы хоботом. Поэтому после укладки над ямой жердей и веток надо было накрывать их дерном, который к моменту охоты не должен был успеть высохнуть и пожелтеть, становясь контрастным пятном в окружающей местности, и выдерживать однородность рельефа, чтобы не обнаружился подвох. По этой причине маскировку ямы надо было производить непосредственно перед проведением охоты.

Даже завлечь мамонта в ловчую яму было непросто: сам он в нее не пойдет, ощутив под ногами зыбкость замаскированного настила уже на его краю. Поэтому предположение о пассивном использовании вырытой на тропе

к водопою яме несостоятельно. Мамонта нужно было как минимум разозлить и спровоцировать погнаться за убегающим в сторону ямы охотником, чтобы зверь с ходу в нее провалился.

К тому же ловчая яма должна быть значительно глубже, чем рисуют заблуждающиеся художники. Однако более глубокая ловчая яма потребует значительно больших усилий по ее изготовлению. После попадания мамонта в ловушку оставалось не дать ему развалить ловчую яму и отогнать прочь всех других мамонтов этой семейной группы, чтобы они не помогли выбраться попавшему в беду зверю, ногами обрушивая стены ловчей ямы. Современные слоны не оставляют попавшего в беду члена своей семейной группы, пока в полной мере не будут исчерпаны все возможности оказания ему помощи.

Но даже если яма изготовлена и замаскирована, в нее завлечен мамонт и в ней убит, то извлечение его 5–7-тонной туши из ямы для членов рода людей представляется непосильной задачей. Исходя из этого, разделка туши должна производиться в оставшемся ограниченном пространстве ямы; для помещающихся там одного-двух человек это непросто, а то и нереально.

Очевидно, что ложные представления художников основываются не на исследовании ситуации, в последующем воспроизводимой ими в арт-объектах, а на абстрактных представлениях об этой ситуации людей, не знакомых с приемами и способами какой-либо охоты, никогда не ощущавшими риска от поединка со зверем, даже если это домашняя свинья, которую надо убить и разделать, не знающими запаха крови и тяжести туши убитого животного, но с высоким самомнением о полноценности имеющихся у них знаний. Нет необходимости приводить или хотя бы перечислять иллюстрации разных авторов, выполненные с разным уровнем профессионализма, полностью или частично повторяющие картину З. Буриана, — они принципиально от нее не отличаются.

Иллюстрации второй группы, перечисление авторов которых нецелесообразно из-за бессмысленности изображаемого ими, показывают волосатого мамонта, в которого случайным образом воткнуто несколько копий в места его тела, не являющиеся жизненно важными. Еще более странно рядом с изображенным громадным зверем выглядят люди с короткими дубинками, каменными молотками, топорами и маленькими луками с короткими стрелами: таким оружием можно справиться с козой, но не более того. Так же странно выглядят и копейщики, метнувшие в мамонта свое единственное копьё и оставшиеся безоружными.

Несколько отличается от таких иллюстраций анимация из киносказки «10 000 лет до н. э.» («10,000 B.C.»; режиссер Roland Emmerich, Warner Bros. Pictures, 2008). В ней шестиметровых волосатых мамонтов ловят громадной сетью (рис. 2).

При этом изображение такой охоты основывается на приведении в панику стада из нескольких десятков особей, причиной которой являются прыжки и крики охотника перед одним из мамонтов, после чего всё стадо спасается бегством, причем легким галопом, словно это изящные антилопы.

Рис. 2. Анимационный кадр с изображением пойманного в сеть волосатого мамонта из киносказки «10 000 лет до н. э.» [10]

Даже во время сезонных кочевков волосатые мамонты не могли образовывать больших групп, поскольку доступный корм был ограничен: для пропитания, особенно в весеннее время, они должны были расходиться на довольно обширной площади. Проходы в горах преодолевались мамонтами с величайшей осторожностью, с построением цепочкой, в определенном порядке особей группы, как это происходит у современных слонов [11].

Ни в одной из традиционных культур охотников-собирателей крупных животных сетью не ловят, поскольку естественные материалы для ее изготовления не позволяют достичь необходимого баланса между прочностью и легкостью, необходимой для оперирования этим орудием. Растительные материалы без соответствующей технологической обработки не могут обеспечить необходимой прочности громадной ловчей сети; изготовление сети из разрезанных на полосы шкур разных животных, сплетенных в канаты, сделает ее очень тяжелой даже при условии высушивания без потери прочности. Масса этой сети будет такой, что ее вместе не поднимут все члены одной семейной группы из 12–15 человек, включая детей. Хранить такую сеть, предупреждая ее гниение, для человека позднего верхнего плейстоцена не представляется возможным; между тем на ее изготовление потребуется столько кожного материала, сколько не добыть за год, если только не использовать сохраненные прошлогодние мамонтовые шкуры. Но шкуры мамонтов использовались в первую очередь для покрышек жердевых каркасов зимних конических жилищ, поэтому резать шкуру на куски и полосы было бы неоправданным расточительством при имевшемся дефиците строительного материала. Количество пригодных для жилья пещер было ограничено, к тому же в пределах ойкумены не везде они встречались, поэтому зимние жилища приходилось строить из подручного материала самим людям.

Из вышеизложенного следует: волосатые мамонты не скапливались в стада из нескольких десятков особей, не впадали в панику от человеческих криков, они не бежали галопом, их не ловили сетями, — вся реконструкция сцены охоты в киносказке «10 000 лет до н. э.» не имеет отношения к реальным приемам и способам охоты на мамонтов.

Существует несколько довольно простых, но эффективных способов охоты, которые в недавнем прошлом и в ряде мест еще в настоящее время используют современные африканцы при охоте на лесных (*Loxodonta cyclotis*) и саванных (*Loxodonta africana*) африканских слонов.

Первый из них — забросать зверя копьями, целясь в голову и хобот, стремясь вызвать множественные ранения и непрекращающееся кровотечение. Каждый из охотников имеет не менее 5–6 копий, которые он поочередно мечет в свою жертву. Если копьё без отделяющихся наконечников, остающихся в ране, выпадающие из ран копьё подбираются охотниками и мечутся вновь; вместо отделившихся наконечников было возможно быстро снарядить копьё новыми, не прерывая охоту. Если копьё имеет отделяющийся от древка каменный или костяной наконечник, застревающий в ране и не дающий ей закрыться, кровотечение становится непрерывным. Поэтому через некоторое время после начала атаки слон слабеет от болевого шока и потери крови и падает наземь, после чего его добивают, над грудиной со стороны горла или между ребер протыкая толстым копьём до сердца, поражая его.

Второй способ является вариацией первого и заключается в том, чтобы незаметно подкрасться к спящему слону и повредить (перерезать) ему ахилловы сухожилия, после чего потерявший способность полноценно передвигаться, ползающий на коленях слон бывает убит либо нанесением ему множественных ранений для обильной кровопотери, либо поражением сердца толстым копьём. Для этой охоты не требуется много молодых и сильных охотников, способных метать копьё, но нужен соответствующий охотничий опыт и терпение дожидаться, когда обессиленный слон завалится набок и станет доступен для завершающего удара.

Третий способ еще более жесток, чем первый и второй: охотник подкрадывается к спящему слону сзади и с усилием втыкает ему в промежность или брюхо за паховой складкой острый кол, в проникающей части измазанный навозом или собственными фекалиями. В промежности и в паховой части кожа тоньше, чем в других местах, и легче пробивается острым колом; заражение острия навозом способствует проникновению в брюшную полость инфекции, вызывающей сначала местное воспаление, затем перитонит, затем общее заражение крови (сепсис) и смерть жертвы. Если в результате проникающего ранения брюшной полости поражается мочевой пузырь, через 2–3 дня животное погибает от кровопотери. Охотнику при этом остается только следовать за слоном до его гибели либо через определенное время разыскать его труп по следам. При таком способе охоты современные конголезские пигмеи справляются со слоном в одиночку [12].

Четвертый способ является вариацией третьего и заключается в поражении слона копиями с наконечниками, обработанными ядом нейротоксического действия. При этом используются такие растительные яды, которые в последующем при термической обработке (варке, жарении) или в процессе употребления и переваривания тканей пораженного животного разрушаются и становятся безвредными для едока. Удары копиями/дротиками при этом направлены

в хобот, нижнюю губу, глаза и уши — органы, богатые кровеносными сосудами, в которые проникает яд с наконечников. Этот способ был достаточно широко применялся в позднем верхнем плейстоцене на территории всей Северной Евразии для охоты на многих животных [13; 14].

Такие способы умерщвления современных слонов охотниками традиционных культур были наиболее вероятны и при охоте на волосатых мамонтов в позднем верхнем плейстоцене. Данные способы охоты не оставляли следов на костях скелета мамонтов и не принимались во внимание археологами и палеонтологами, не будучи поводом для дискуссий [5; 6; 15; 16].

Таким образом, надо отметить, что легенда об охотничьем промысле, входящая в мифологический цикл золотого века и закреплённая в искусстве, вошла в культуру как идеализация представлений о счастливой и естественной жизни первобытных охотников, что особенно выразительно подчеркивается в противопоставлении тяготам изнурительного земледельческого труда. При этом изображение охоты на мамонтов, вследствие романтизации самого процесса и недостаточности его знания художниками, в современных арт-объектах находит неверное выражение — не соответствует ни действиям современных охотников традиционных культур, ни практике охотников позднего верхнего плейстоцена.

1. Бернал Дж. Наука в истории общества. М. : Инстр. лит., 1956. 736 с.

2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 39 т. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 3. С. 7–544.

3. Геологические памятники природы России / А. М. Карпунин, С. В. Мамонов, О. А. Мироненко, А. Р. Соколов. СПб. : ЛОРИЕН, 1998. 200 с.

4. Кассал Б. Ю. Животные Омской области: биологическое многообразие : моногр. Омск : Амфора, 2010. 574 с.

5. Аникович М. В., Анисюткин Н. К. Охота на мамонтов в палеолите Евразии // *Stratum Plus*. 2001–2002. № 1. С. 479–501.

6. Платонова Н. И. Охотники на мамонтов или пожиратели падали: полузабытые страницы одной актуальной дискуссии // Исследования первобытной истории Евразии. Махачкала : Наука ДНЦ, 2010. С. 268–279.

7. Кассал Б. Ю. «Осколки» плейстоценовой мегафауны в степях Среднего Прииртышья // *Степной бюллетень*. 2014. № 42. С. 45–51.

8. Аугуста Й., Буриан З. Жизнь древнего человека / под ред. М. Ф. Нестурха. Прага : АРТИЯ, 1960. 172 с.

9. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины / отв. ред. Ю. В. Бромлей. М. : Наука, 1986. 578 с.

10. 10 000 лет до н. э. // Киноман. 2008. 14–16 марта. URL: <http://www.cinema.vrn.ru/hitparade/hit14-16mar2008.shtml> (дата обращения: 05.12.2017).

11. Hunter J. A. Hunter. London : Hamilton, 1952. 242 p.

12. Putnam A. Madami: My Eight Years of Adventure with the Pygmies. New Jersey : Prentice Hall, 1954. 210 p.

13. Borgia V., Carlin M. G., Crezzini J. Poison, Plants and Palaeolithic Hunters. An Analytical Method to Investigate the Presence of Plant Poison on Archaeological Artefacts // *Quaternary International*. 2017. Vol. 427. Part. B. P. 94–103.

14. Borgia V. Plants, Poisons and Paleolithic Hunters // *The Italian Academy for Advanced Studies in America*: [сайт]. URL: <https://italianacademy.columbia.edu/fellow/valentina-borgia> (дата обращения: 16.02.2018).

15. Сериков Ю. Б. К вопросу об оружии поражения луговского мамонта // *Вестн. археологии, антропологии и этнографии*. 2012. № 1 (16). С. 4–11.

16. Жермонпре М., Саблин М. В., Хлопачев Г. А., Григорьева Г. В. Палеолитическая стоянка Юдиново: свидетельства в пользу гипотезы охоты на мамонтов // *Хронология, периодизация и кросс-культурные связи в каменном веке*. СПб.: Наука, 2008. Вып. 1. С. 91–112.

© Касал Б. Ю., 2020

УДК 130.2

Науч. спец.: 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2020-26-18-22

ФУНКЦИИ ИСКУССТВА В ЭПИСТЕМЕ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ: ПРОБЛЕМА ПОТРЕБЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается проблема потребления искусства как феномена культуры, обладающего онтологическим (функция отображения действительности) и когнитивным (функция моделирования смыслов) статусом в философском дискурсе античной классики. Утверждается, что модус обладания, принципиально противоречащий модусу бытия в сознании современного человека в индустриальном обществе, исторически связан как с гедонистической традицией Античности, так и с утилитаризмом философских воззрений на искусство как общественно полезное умение.

Ключевые слова: философский дискурс, эпистемология, смыслы культуры, функции искусства, производство и потребление.

Высшей целью жизни и античная философия, идеалистическая по преимуществу, и философия современная, сформировавшаяся преимущественно в дискурсе неклассической рациональности, полагают счастье, определяемое формулой «удовлетворение всех желаний или субъективных потребностей», что является, по определению Э. Фромма, «радикальным гедонизмом»; эпикурейская «чистая радость» представляет его скромный инвариант. Древние различали чисто субъективно ощущаемые потребности, отчасти противоречащие человеческому развитию, имея в виду часто возникающие этические проблемы межличностных отношений и взаимоотношений индивида с социумом, и объективно существующие потребности, согласующиеся с нуждами человеческой природы. Применительно к современной ситуации надо отметить наличие имманентных экономических противоречий индустриализма; кроме того, существуют другие причины возникновения «противоречивых комбинаций приоритетов» [1, с. 12]. Иначе говоря, модус обладания принципиально противоречит модусу бытия [1, с. 63]. Сказанное имеет отношение к проблеме потребления культуры.

FUNCTIONS OF ART IN THE EPISTEME OF ANCIENT PHILOSOPHY: THE PROBLEM OF CONSUMPTION OF CULTURE

The article considers the problem of consumption of art as a phenomenon of culture, possessing ontological (function of reflecting reality) and cognitive (function of modeling meanings) status in the philosophical discourse of ancient classics. It is argued that the mode of possession, fundamentally contrary to the mode of being in the consciousness of modern man in the industrial society, is historically associated with both the hedonistic tradition of Antiquity and the utilitarianism of philosophical views on art as a socially useful skill.

Keywords: philosophical discourse, epistemology, cultural meanings, functions of art, production and consumption.

Онтологически фрагментированный тип сознания современного человека обусловлен нарастающей «всеобщностью смыслов культуры» [2, с. 258].

Современная философия разграничивает, в связи с проблемой метаязыка как коммуникативного канала, соединяющего две культуры — естественно-научную и гуманитарную, понятие культуры как таковой, культуры вообще, как модели «глобального междисциплинарного трансфера», и культуры как метонимии искусства, феномена, порождаемого культурой и репрезентирующего результаты творческого процесса, как модели творчества [3, с. 323]. Основанием всякого феномена человеческой культуры является коммуникативная потребность; культура в своих конкретных проявлениях, своим социальным бытованием включена в определенный когнитивный процесс. Коммуникативный аспект самого ее существования как культуры повседневности определяет ключевым моментом как культуротворчества, так и простого потребления культуры понимание смысла общения посредством определенных механизмов, управляющих процессом понимания: идею культурного дискурса может выражать как художественный текст, так и музыкальное

Н. Н. Мисуров

N. N. Misurov